

Соловьев Всеволод Сергеевич

**Касимовская невеста.
Исторический роман в 3
частях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В84

В84 **Всеволод Сергеевич С.**
Касимовская невеста. Исторический роман в 3 частях / Соловьев Всеволод
Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 372 с.

ISBN 978-5-519-74704-2

ISBN 978-5-519-74704-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Послѣ долгаго осенняго ненастья наконецъ стала зима 1646 года. Два дня и двѣ ночи въ безвѣтряномъ воздухѣ падалъ снѣгъ и выпало его довольно; потомъ прихватило и сковало морозцемъ. Потомъ выглянуло солнце и все загорѣлось, заблестѣло. Глаза слѣпило отъ яркаго свѣта.

Морозъ не прибывалъ, но и не уменьшался. Путь установился сразу.

По дорогѣ изъ Москвы въ пригородное село Покровское съ ранняго утра шло и ѣхало много всякаго люду — молодой царь Алексѣй Михайловичъ праздновалъ встрѣчу зимы одною изъ любимыхъ потѣхъ своихъ.

Еще за три дня было объявлено по Москвѣ, что въ селѣ Покровскомъ бутеть львиное зрѣлище и

медвѣжья травля и что никому, не токмо что боярамъ и всякимъ дворцовымъ людямъ, но и всѣмъ вообще жителямъ Москвы невозбранно присутствовать на этихъ царскихъ потѣхахъ.

Такое извѣстіе Москва приняла съ большой радостью: ужь очень по нраву всѣмъ была медвѣжья травля, а про львиное зрѣлище и говорить нечего: левъ — звѣрь рѣдкій, многими совсѣмъ невиданный. Привезли вишь его недавно царю въ подарокъ изъ Кизылбаша, изъ Персіи. Помѣстили его въ ямѣ у стѣны Китайгородской. По цѣлымъ часамъ толпы стояли у ямы, видѣть ничего не видѣли, но за то рыканіе львиное слышали и оставались этимъ довольны. А вотъ теперь и самого этаго заморскаго лютаго звѣря видѣть можно: ну — и хлынула вся досужая Москва въ село Покровское.

Колымаги за колымагами, сани за санями такъ и катятся по первопутью. Бояре, весь чинъ дворцовый, дворяне московскіе, служилые люди, изъ купцовъ тоже не мало — всякій разрядился въ праздничное платье, изукрасилъ своихъ кониковъ, понавѣшалъ ковровъ на широкія сани: тоже нужно и себя показать, въ грязь лицомъ не ударить.

Большія были приготовленія къ празднику въ Покровскомъ. Сначала, какъ вѣсть прошла о царской потѣхѣ, отцы и мужья сразу объявили, что бабамъ да дѣвкамъ ѣхать не слѣдуетъ. Но бабы и дѣвки были на это другихъ взглядовъ. Онѣ такъ пристали, такъ улещали, такъ упрашивали своихъ владыкъ домашнихъ, что тѣ наконецъ, въ большинствѣ случаевъ, должны были сдаться.

И вотъ по дорогѣ въ Покровское спѣшатъ не

одни добрые молодцы и старцы, а и дебелия матери семействъ и румяныя, свѣжія, какъ морозное зимнее утро, московскія красавицы. Само собою — лица ихъ прикрыты фатой блестящей, сами онѣ закутаны въ шубки мѣховыя и стороннему человѣку не увидать, не разглядѣть сколько красоты и молодости, сколько разжирѣвшей или высохшей старости заключается въ этихъ огромныхъ грузныхъ колымагахъ.

Но все же кое-кому поданы вѣсточки, кое-кто съ замираніемъ сердца и съ свѣтлою молодою грѣзой, бросивъ всѣ дѣла и заботы, спѣшить въ Покровское, хорошо зная на какую закутанную, обликъ человѣческій потерявшую фигуру слѣдуетъ глядѣть глазъ не отрывая, изъ-за какой фаты непроницаемой будутъ выглядывать съ любовью и ласкою молодые глазки. И никакая строгость нравовъ и обычаевъ, никакая зоркость родительскаго присмотра не помѣшаютъ кое-кому втихомолку и перешепнуться, и улучшить счастливое мгновеніе для быстрого, крѣпкаго и сладкаго пожатія нѣжной, бѣлой ручки. Только послѣ этаго пожатія не придется спрятать за пазуху маленькой записочки — нѣжная бѣлая ручка писать не умѣетъ, да и не нуждается ни въ какомъ писаньи. Шустрая дѣвчонка изъ прислужницъ, а то такъ и сама хитрая старая мамка, падкая до подарочковъ, лучше всякихъ записочекъ передадутъ кому слѣдуетъ и слово нѣжное, и названіе одного изъ благолѣпныхъ храмовъ московскихъ, гдѣ можно встрѣтиться.

Время близится къ полдню; ноябрскій день коротокъ — спѣшить нужно. И спѣшать, перегоняя другъ друга, колымаги и сани.

Но вотъ по всему широкому пути вдругъ смятеніе: колымаги и сани сворачиваютъ въ сторону и останавливаются. Нѣсколько вершниковъ на лихихъ коняхъ мчатся что есть духу и кричатъ зычнымъ голосомъ: Царь ѣдетъ! И точно, изъ-за поворота дороги, вся въ яркихъ лентахъ и бубенчикахъ, вылетаетъ тройка чудныхъ коней.

Въ разшитыхъ, изукрашенныхъ коврами и причудливой рѣзьбой саняхъ широкихъ, прикрытыхъ богатой медвѣжьей полостью, видны двѣ мужскія фигуры, закутанныя въ собольи шубы и въ высокихъ шапкахъ. Хорошо знакомы Москвѣ два лица эти, — одно ужъ не первой молодости, благообразное и разумное, да и не безъ нѣкотораго лукавства во взглядѣ. Другое лицо красоты поразительной, съ ясными небснаго цвѣта глазами, съ ласковой улыбкой и милыми, совсѣмъ еще дѣтскими, ямочками на румяныхъ щекахъ.

Тройка мчится, обдавая всѣхъ на право и на лѣво снѣжной пылью. Всѣ ломаютъ шапки и низко кланяются.

Красавецъ-юноша отвѣчаетъ на поклоны. Его товарищъ съ важной, величественной осанкой тоже раскланивается.

Промчалась тройка и за нею трогаются всѣ остановившіяся колымаги и сани, и идетъ между москвичами всякаго рода и званія, пола и возраста оживленный говоръ:

— Ишь красотю какою надѣлилъ Господь царя нашего, батюшку Алексѣя Михайловича!... что дѣвица красная, нашъ голубчикъ!...

— А бояринъ-то Борисъ Ивановичъ Морозовъ,

замѣчаютъ другіе, — важность-то какая — самъ словно царь раскланивается! Поди чай думаетъ, — коли-бы одинъ-то ѣхалъ такъ и ему стали-бы всѣ кланяться... какъ-же!..

— Ну да что тутъ, думай не думай, а тепло ему подъ царскою полостью. Любовь-ли онъ кому, нѣтъ-ли, ему и горя мало. Что хочетъ, то и дѣлаетъ, всѣмъ заправляетъ. Государь молодой его какъ отца роднаго почитаетъ. Да и отецъ-то, блаженной памяти государь Михаилъ Ѳеодоровичъ, на смертномъ одрѣ сыну наказывалъ: почитай-де и во всемъ слушайся Морозова боярина, онъ тринадцать-де лѣтъ при тебѣ неотлучно, воспиталъ тебя и такого-де слуги и совѣтника тебѣ не сыскать. Счастье боярину, счастье великое, что и говорить, другому такого и во снѣ не привидится! ..

Не красны царскія палаты въ селѣ Покровскомъ, но любилъ бывало покойный царь Михаилъ Ѳеодоровичъ наѣзжать сюда и тѣшиться разными потѣхами.

Передъ палатами дворъ большой устроенъ, а на немъ отгорожено мѣсто для звѣриной травли. Кругомъ того мѣста скамьи для зрителей поставлены. Теперь эти скамьи просто ломаются, такъ много изъ Москвы наѣхало.

Бояре съ боярынями и боярышнями мѣста заняли, а тѣ люди, что помельче чиномъ, за ихъ спинами тѣсняются, — снѣгъ приминаютъ въ ожиданіи потѣхи.

Для государя съ приближенными его на крыльцѣ

выставлены скамьи, покрытыя яркимъ сукномъ и парчею.

Къ загороженному для травли мѣсту ведетъ крытый, изъ досокъ сколоченный, переходецъ: по этому то переходцу звѣрей выведутъ. Уже оттуда, съ этой стороны, раздастся дикій звѣриный ревъ, заставляющій вздрагивать женщинъ и подзадоривающій любопытство мужчинъ.

Ворота заперты. Никого больше во дворъ не пускаютъ да и некуда — и безъ того давка страшная.

Вотъ на крыльцо наконецъ вышелъ молодой царь съ бояриномъ Морозовымъ и толпой царедворцевъ.

Онъ ласково поклонился всѣмъ собравшимся и, весело разговаривая съ окружающими, присѣлъ на свою скамью царскую.

Тучный, сѣдовласый бояринъ, земно кланяясь царю, объявилъ, что все готово для начала потѣхи.

— Ладно, такъ пускай начинаютъ! — разслышала присмирѣвшая толпа звонкій, почти еще дѣтскій голосъ.

Гдѣ-то въ сѣняхъ, за досчатымъ переходомъ, послышался оглушительный ревъ и черезъ мгновеніе передъ изумленными зрителями въ загороженномъ, но со всѣхъ сторонъ открытомъ для взоровъ мѣстѣ, показался левъ.

Женщины не стерпѣли и ахнули, многія такъ и совсѣмъ завизжали и стали прятаться за отцовскія и мужнины шубы.

„А ну какъ прыгнетъ черезъ загородку, да на насъ!“ думала каждая изъ нихъ.

Тоже навѣрное думали и многіе мужчины, но старались конечно казаться спокойными.

Левъ однако и не помышлялъ перепрыгивать черезъ загородку: онъ стоялъ очень смирно на мѣстѣ, дрожа своимъ крѣпкимъ, огромнымъ тѣломъ и медленно встряхивая гривой. Передъ нимъ въ спокойной и непринужденной позѣ, съ длинной плетью въ рукѣ помѣстился его „хозяинъ“, привезшій его изъ Кизыльбаша. Это былъ бойкій дѣтина атлетическаго тѣлосложенія съ длинной, черной бородою. Онъ называлъ себя Ильюшкой Микотинымъ, но никто навѣрное не могъ сказать, кто онъ и откуда. Знали только, что привезъ онъ звѣря невиданнаго царю въ подарокъ и царь такъ обрадовался, что наградилъ Микотина сукномъ на однорядку, да на кафтанъ и деньгами пожаловалъ ему три рубля съ полтиною. А затѣмъ онъ былъ оставленъ при лвѣ и давался ему „кормъ и помѣщенье“.

— Можетъ и разбойникъ какой и душегубецъ, говорили про Микотина, да поневолѣ придется держать его — одинъ де онъ умѣетъ со львомъ управляться. Левъ то, слышь, ему какъ малый ребенокъ покорствуешь...

Вотъ и теперь — поглядѣлъ онъ нѣсколько мгновений прямо въ глаза лву, дернулъ своей плеткой, левъ тихонько зарычалъ и легъ передъ нимъ, положивъ прямо на снѣгъ свою громадную, мохнатую голову.

Микотинъ крикнулъ какое-то непонятное слово и тихо пошелъ, мѣрно шагая, вокругъ всей изгороди. Левъ послушно поползъ за нимъ. Зрители дивились не мало.

— Этакого-то звѣря страшнаго — и приручилъ, гляди какъ! — премудрость!

Не долго, однако, тянулась львиная потѣха. Морозу было около 5 градусовъ и льва жалѣли. Его перевезли въ Покровское въ теплой кѣлѣ только для того, чтобы онъ показался царю и зрителямъ.

Главная потѣха была впереди — медвѣжья травля.

Когда льва увели за загородку, вышло нѣсколько человѣкъ охотниковъ. Ихъ выходъ былъ встрѣченъ громкимъ одобреніемъ со стороны зрителей. Эти охотники по всей Москвѣ славились. Имъ ужъ не въ первой приходилось выказывать чудеса ловкости, силы и смѣлости на медвѣжьей травлѣ. Всѣ они были одѣты въ короткіе кафтаны, высокіе сапоги и низкія мѣховыя шапки съ ушами. Вооруженіе ихъ состояло изъ рогатины или ножа. Они подошли ближе къ царскому крыльцу, поклонились царю и ждали кому изъ нихъ онъ назначить бороться со звѣремъ.

Алексѣй Михайловичъ приподнялся съ мѣста и весело кивнулъ имъ головою.

— Всѣ на лицо, сказалъ царь, и ты старина здѣсь, Богданъ Озорной!

Старикъ охотникъ, къ которому обратился царь, еще разъ поклонился въ поясъ и подтолкнулъ двухъ молодцовъ.

— А вотъ, батюшка государь, проговорилъ онъ густымъ басомъ, — привелъ сынковъ двухъ своихъ, Никифора да Якова, прикажи и имъ потѣшить твою царскую милость.

— Два рослыхъ, здоровыхъ парня, переминаясь съ ноги на ногу, неловко стояли и поглядывали из-подлобья, то и дѣло кланяясь.

— Не разъ приводилось мнѣ потѣшить государя батюшку царя Михаила Феодоровича, продолжалъ

Богданъ Озорной, — и милость я его государскую къ себѣ не разъ видѣлъ, а вотъ нонѣ старость одолѣвать стала, да и рука вотъ десная, какъ въ позапрошломъ лѣтѣ помялъ ее мохнатый, что-то не ладно ходить. Такъ можетъ парни замѣсть меня теперь потѣшать твои царскія очи.

— Ладно! сказалъ Алексѣй Михайловичъ; — который изъ нихъ старше то? пусть онъ и начинаетъ, а мы посмотримъ...

Охотники, одинъ за другимъ, исчезли въ крытомъ переходѣ. На аренѣ остался только Никифоръ Озорной.

Онъ оглядѣлся — кругомъ стѣна, стѣна крѣпкая, которую не сломаешь, черезъ которую не перепрыгнешь вслучаѣ опасности. Но онъ не думалъ объ опасности, онъ спокойно ожидалъ противника и отошелъ на ту сторону круга, которая была какъ разъ противъ дверецъ крытаго перехода.

Прошло нѣсколько мгновений, зрители притаили дыханіе.

На крыльцѣ царскомъ старые и молодые бояре сидѣли величаво — неподвижно.

Царь Алексѣй Михайловичъ нетерпѣливо, самъ не замѣчая того, слегка притопывалъ ногою и, не мигая, смотрѣлъ прямо на арену.

Вотъ близко, совѣмъ близко раздался глухой ревъ, дверцы распахнулись и громадный медвѣдь показался оттуда. Медленно качая головою и изумленно оглядываясь по сторонамъ, онъ очевидно сразу не могъ понять — гдѣ онъ и что это дѣлается кругомъ него. Но вотъ его маленькіе, злобно горящіе глаза остановились на человѣкѣ, бывшемъ передъ нимъ въ

такомъ близкомъ разстояніи. Медвѣдь дрогнулъ, грозно зарычалъ, поднялся на заднія лапы и—прямо пошелъ на человѣка.

Какъ будто электрическая искра пробѣжала между зрителями. Опять раздались женскія взвизгиванья, но уже никто не обращалъ на нихъ вниманія—все глядѣли, раскрывъ рты и затаивъ дыханіе, на арену.

Никифоръ Озорной быстро перекрестился, выставилъ впередъ рогатину, отставилъ ногу и, напрягшись всеми мускулами, ждалъ противника. Медвѣдь былъ уже совсѣмъ передъ нимъ: неловкое движеніе. дрогнетъ рука, не хватитъ силы—и все пропало. Звѣрь кинется на человѣка и начнетъ ломать его. Но Никифоръ не дрогнулъ, только глаза его странно, лихорадочно горѣли. Въ немъ самомъ проснулся звѣрь, проснулась злость и отвага. Ловкимъ движеніемъ онъ направилъ рогатину и сразу всадилъ ее въ грудь медвѣдя, между двумя передними лапами.

Радостный гулъ пронесся по двору.

Царь невольно привсталъ со своего мѣста и перекрестился.

Медвѣдь ревѣлъ отчаянно и напиралъ на охотника. Но тотъ стоялъ неподвижно, не дрогнувъ ни однимъ могучимъ членомъ, крѣпко держалъ рогатину у ноги своей тупымъ концомъ, а острый все глубже и глубже входилъ въ грудь звѣря. Кругомъ бѣлый снѣгъ уже начиналъ обогрѣваться кровью, отъ которой шелъ легкій паръ въ морозномъ воздухѣ.

Медвѣдь еще продолжалъ стоять. Его ревъ раздавался все громче и громче, но теперь въ этомъ ревѣ слышались совсѣмъ новые звуки. Еще мигъ,